

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
РНФ и Кабинета Министров
Республики Татарстан в рамках
научного проекта № 23-28-10046
и в соответствии с Программой
стратегического академического
лидерства Казанского
(Приволжского) федерального
университета.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/nhkh-b8gp-ntvn

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXVI • 2023 • № 3

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 95-летию со дня рождения
Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014)

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат*
филологических наук (Россия)
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук*
(Монголия)
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук*
(Монголия)
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор*
(Россия)
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунцова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 15.09.2023

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvovoe.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2023

© Коллектив авторов, 2023

В НОМЕРЕ:

С. Г. Кляшторный (1928–2014) — жизнь в науке (<i>От Редколлегии</i>).....	5
---	---

ИСТОРИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. АРХЕОЛОГИЯ

Л. Ф. Абзалов, М. С. Гатин, И. А. Мустакимов, Р. Ю. Почекаев. К вопросу о «военном праве» и ответственности за воинские преступления в тюрко-монгольских государствах XIII–XIV вв.....	12
И. А. Алимов. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. (III)	25
Р. М. Валеев, Р. З. Валеева. Востоковед-энциклопедист И. Н. Березин и его вклад в изучение тюрко-монгольского мира: к 205-летию со дня рождения.....	33
С. В. Красниенко. Древние тюрки у северных окраин Кузнецкого Алатау (археологические данные).....	43
Д. Шомфаи Кара. По стопам В. Диосеги в Монголии в 2022 году.....	52
В. Ю. Климов. Адмирал Иван Федорович Лихачев (1826–1907) (полузабытые имена).....	59
А. М. Мокеев, К. Белек, Н. Абдимиталип уулу. Распространение буддизма среди кыргызов Южной Сибири и Средней Азии в Средневековье.....	74

ФИЛОЛОГИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Ю. А. Иоаннесян. «Четвертый столп» в учении шейхизма.....	92
М. С. Фомкин. Китайское культурное влияние в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни	100
Б. Л. Митруев. О печатях Агвана Доржиева и Данзана Норбоева	104

РЕЦЕНЗИИ

Т. Д. Скрынникова. Новые книги по востоковедению	115
--	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVI • 2023 • No. 3

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 95th anniversary of the birth
of Sergei G. Klyashtorny (1928–2014)**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian
Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand.Sc. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *D. Sc. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian
Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), Professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/nhkh-b8gp-ntvn

© Institute of Oriental Manuscripts RAS

(Asiatic Museum), 2023

© Group of authors, 2023

IN THIS ISSUE:

S. G. Klyashtorny (1928–2014) — Life of the Researcher (<i>From the Editorial Board</i>)	5
--	---

HISTORY. SOURCE STUDIES. ARCHAEOLOGY

Lenar F. Abzalov, Marat S. Gatin, Ilias A. Mustakimov, Roman Yu. Pochekaev. On the “Military Law” and Bringing to Account for Military Crimes in the Turkic-Mongol States of the 13th–14th cc.	12
Igor A. Alimov. Bureaucracy on the Move: Chinese Travel Diaries of the 10th–13th centuries (III)	25
Ramil M. Valeev, Rosa Z. Valeeva. Orientalist-Encyclopedist I. N. Berezin and His Contribution to the Study of the Turkic-Mongolian World. In Commemoration of the 205th Anniversary of His Birth.....	33
Sergey V. Krasnienko. Ancient Turks near the Northern Outskirts of the Kuznetsk Alatau (Archaeological Data)	43
Dávid Somfai Kara. Following the Footsteps of V. Diószegi in Mongolia, 2022	52
Vadim Yu. Klimov. Admiral Ivan Fedorovich Likhachev (1826–1907) (Half-forgotten Names)	59
Anvarbek M. Mokeev, Kayrat Belek, Nursultan Abdimalip uulu. To the Question of the Spread of Buddhism in Kyrgyzstan in the Middle Ages.....	74

STUDIES IN PHILOLOGY AND FOLKLORE

Youli A. Ioannesyan. “The Fourth Pillar” in the Shaykhi Teachings	92
Mikhail S. Fomkin. Chinese Cultural Influence in the Poem “Kutadgu Bilig” by Yusuf Balasaguni	100
Bembya L. Mitruiev. About the Seals of Agvan Dorzhiev and Danzan Norboev	104

REVIEWS

Tatiana D. Skrynnikova. New Publications on Oriental Studies	115
---	-----

А. М. МОКЕЕВ

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

К. БЕЛЕК

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

Н. АБДИМИТАЛИП УУЛУ

Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Ошский государственный университет

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА СРЕДИ КЫРГЫЗОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В статье на основе сопоставительного изучения сведений письменных источников с данными археологии, эпиграфики, этнографии, материалов кыргызского языка, и фольклора рассматриваются основные этапы распространения буддизма в Кыргызстане в эпоху средневековья. Особое внимание уделяется доисламским верованиям кыргызов, среди которых определенное место занимали пережитки буддизма. Показаны основные формы распространения буддизма в Кыргызстане, где наряду с миссионерской деятельности проявлялись насильственные методы, в особенности, в период кратковременного правления найманского принца Кучлука, а также в эпоху Джунгарского ханства. Впервые уделяется внимание вопросам отражения отдельных положений буддизма и некоторых терминов из санскрита в кыргызском языке, а также в фольклоре кыргызского народа.

Ключевые слова: Кыргызстан, буддизм, ламаизм, манас, кут, монах (лама), религия.

Об авторах:

МОКЕЕВ Анварбек Мокеевич, доктор исторических наук, профессор отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан) (anvar.mokeyev@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0002-0381-6975.

БЕЛЕК Кайрат, Ph.D. (Philosophy), старший преподаватель, и. о. доцента отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан) (kairat.belek@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0003-0495-9182.

АБДИМИТАЛИП УУЛУ Нурсултан, докторант, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан); преподаватель, Высшая школа международных образовательных программ Ошского государственного университета (Ош, Кыргызстан) (abdimalipuuulu@oshsu.kg). ORCID: 0000-0002-5651-5236.

© ИВР РАН, 2023

© Мокеев А. М., Белек К.,

Абдимиталип уулу Н., 2023

Одной из актуальных проблем истории культуры Центральной Азии в целом, и Кыргызстана в частности, является история распространения буддийской религии в этом регионе в древности и средневековье. Несмотря на наличие значительной литературы по данной проблеме, вопросы распространения буддийского учения среди кыргызов Южной Сибири в древности и кыргызского народа Средней Азии в эпоху средневековья остаются недостаточно разработанными. Это связано с фрагментарностью и противоречивостью сведений письменных источников о проникновении и

распространении буддизма в Кыргызстане. К тому же некоторые материалы кыргызского языка и литературы, где нашли отражение отдельные понятия буддийского учения, до сих пор практически не привлекались для освещения рассматриваемой проблемы.

Исходя из этого, в настоящей статье принята попытка проследить основные этапы распространения буддизма в Кыргызстане в средние века на основе сопоставительного анализа отрывочных сообщений письменных источников, данных этнографии, археологии, а также материалов кыргызского языка и

фольклора, где нашли отражение некоторые термины буддийского учения, привлечены также отдельные слова социально-экономического значения, заимствованные из санскрита.

Центральная Азия, издревле являясь важнейшим узлом Великого Шёлкового пути, всегда выступала мостом между Востоком и Западом, где пересекались люди, товары и идеи с разных концов Евразийского континента — Европы, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии. Вплоть до монгольских завоеваний Центральная Азия была одним из самых экономически и культурно развитых регионов мира.

В середине II века Кушанская империя расширилась в Центральную Азию и дошла до Кашгара, Хотана и Яркенда в Таримской котловине, современного Синьцзяна [Бируни, 1995. С. 66, 545].¹ Как следствие, значительно расширился культурный обмен, и буддийские миссионеры из Индии начали подвижническую деятельность в южных и юго-западных регионах Центральной Азии, где они особенно отличались своей переводческой работой буддийских канонических текстов на местные языки. Из Средней Азии учение Будды, а вместе с ним идеи и произведения индийских и среднеазиатских ученых, художников, ремесленников распространились в Восточный Туркестан и далее — на Восток, обогатив материальную и духовную культуру народов Центральной Азии, Китая, Кореи и Японии [Восточный, 1992. С. 427; Tremblay, 2007. Р. 84–88].

На годы тибетского владычества в Восточном Туркестане в VIII–IX вв. приходится утверждение буддизма и в Тибете. Большую роль в этом сыграла возможность познакомиться тибетцам с крупнейшим китайским буддийским центром в Дунхуане и перенять

опыт организации библиотечного дела и размножения буддийских текстов.²

Примерно в этот же период происходит проникновение в Восточный Туркестан кыргызов Южной Сибири, которые уже в VIII в. появились в районах к северу от Куку-Нора и на северо-востоке Тибета среди племен туюхунь в местности Хаза [Thomas, 1927. Р. 817; Бернштам, 1956. № 4]. Во второй половине IX в. кыргызы на некоторое время сумели установить свой контроль над городом Пенчул, по местоположению соответствующему современному Уч-Турфану [Бартольд, 1963. С. 492]. Представляется, что здесь предки кыргызов впервые стали знакомиться с основами буддизма.

Определенную информацию о том, что древние кыргызы были приобщены к индо-буддийской культуре на исторической родине в Южной Сибири, дают памятники материальной культуры. Так, в Туве, на землях бывшего Уйгурского (VI–IX вв.), затем Кыргызского (IX–X вв.) каганатов, а также в монгольское время существовали буддийские храмы с квадратными залами и монументальными скульптурами будды и бодхисатв, часовни и пагоды, нарисованные на скалах изображения божеств, которых чтили кыргызы, проживавшие там наряду с монголами и бурятами. Это почтение к индийским богам сохранялось у кыргызов и в последующие века [Горячева, 2017. С. 39]. Как показывают памятники письменности древних кыргызов, в этот же период буддийские мотивы появляются в кыргызских эпитафиях на енисейских стелах [Арсланова и Кляшторный, 1973. С. 315; Восточный, 1992, 339].

В этом отношении представляет большой интерес сообщение персидского автора XI в. о том, что «киргизы подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: огонь-самая чистая вещь, все, что попадает в огонь очищается» [Бартольд, 1973. С. 48]. Хотя обряд кремации покойников у кыргызов Южной Сибири существовал гораздо раньше до распространения

¹ Выдающийся ученый и мыслитель средневековья Абу Рейхан Бируни утверждал, что в древние времена в Хорасане, Фарсе и Ираке вплоть до границ Сирии была распространена буддийская религия. Эта ситуация сохранялась до той поры, пока Заратуштра не стал проповедовать здесь маздеизм. Однако по справедливому замечанию А. Б. Халидова, реформа Заратуштры имело место гораздо раньше зарождения буддизма в Индии, и версия о вытеснении буддизма из указанных стран зороастризмом совершенно невероятна.

² Как будет показано ниже, именно тибетские монахи в XVII–XVIII вв. при поддержке джунгарских правителей предпринимали попытки распространения среди кыргызов Тянь-Шаня и других народов Средней Азии буддизм ламаистского толка.

буддизма в этом регионе, указание Гардизи на связь этой традиции с индусами намекает на вероятность определенного влияния буддизма на культуру кыргызов в IX–X вв., когда они вышли на широкие просторы Центральной Азии, включая регион Восточного Туркестана [Мокеев и Жапаров, 2022. С. 148–156].

В Центральной Азии до прихода буддизма был очень развит культ зороастризма, поэтому индийская религия тесно переплелась с иранским верованием огнепоклонников. Общие с зороастризмом традиции встречались в хинаянском направлении буддизма, которое процветало в Бактрии, Согдиане и Куче. По мнению специалистов, есть вероятность, что буддийские миссионеры вели активную пропаганду в Монголии уже в эпоху Жужаньского (Аварского) каганата [Porció, 2015. Р. 19], перенявшего смесь хотанского буддизма, на который оказали сильное влияние иранская культура и зороастризм [Liu, 2011. Р. 55–81].

В середине VI века Жужаньский каганат пал перед натиском восточных тюрков. Новые властелины Центральной Азии сохранили религию, которую обнаружили в пределах завоеванного государства. В это же время на территории Тюркского каганата стали появляться буддийские храмы, где осуществлялись переводы большого количества буддийских текстов на древнетюркский язык. В самом раннем памятнике тюркской государственности, согдоязычной Бугутской надписи (ок. 582 г.), упомянуто создание Таспар-каганом «великой новой Сангхи», т. е. буддийской общины. По определению известного российского тюрколога С. Г. Кляшторного, в буддизме, тюркские каганы видели ту форму универсальной религии, которая могла помочь созданию идеологической общности в весьма разнородной по этническому составу державе [Кляшторный, 1973. С. 263; Восточный., 1992. С. 339].

Первые шаги для официального внедрения буддизма в религиозную практику тюрков были сделаны Мухан-каганом (553–572). Однако лишь Таспар-каган придал буддийской миссии размах, который смог обеспечить сторонникам этой религии культурный и политический приоритет в каганской ставке. При нем согдийца-

ми были переведены на тюркский язык и записаны отдельные сутры [Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 140].

Исследователи обращают внимание на роль правящей элиты кочевых народов Евразии в распространении мировых религий в степи. В этой связи А. Хазанов отмечает, что переход рядовых кочевников к новой универсальной религии происходил только после принятия ее кочевой элитой. Это занимало довольно длительный период, и, как правило, сопровождалось острыми внутренними распрями на религиозной почве [Khazanov, 1994. Р. 15].

Данный процесс можно проиллюстрировать на примере идеологической борьбы между правителем Второго Восточнотюркского каганата Бильге-каганом и его мудрым советником Тоньюкуком, которую те вели в вопросах распространения буддизма среди кочевых тюркских племен. Бильге-каган, исходя из внешнеполитических соображений, оказывал покровительство буддийским монахам из Китая, тогда как Тоньюкук считал, что буддизм не соответствует военному духу и образу жизни кочевников и, следовательно, не сможет являться основой государства [Дашковский, 2009. С. 68]. В данном случае Бильге-каган последовал разумному совету Тоньюкука, и спор решился мирным путем; в то же время буддизм стал закрепляться в Западнотюркском каганате, где шел процесс перехода тюркских племен к оседлой и городской жизни под влиянием многочисленных колоний согдийского населения. На происхождение и развитие древнетюркской скульптуры-каменных балбалов большое влияние оказали канонизированные образы буддийского искусства, которые в значительной мере были распространены прежде всего в согдийском искусстве. По мнению археологов, древнетюркский изобразительный канон корнями уходит в буддийскую иконографию, где каждый жест имеет определённый смысл [Кубарев, 1984].

Буддийские монахи из Индии быстро усвоили согдийский алфавит, который широко применялся среди тюркских народов Центральной Азии, что в немалой степени способ-

ствовало распространению учения буддизма в степи [Бартольд, 1968. С. 27]. Благодаря тому, что на Великом Шелковом пути преобладали согдийцы, именно они и стали первыми монахами в многочисленных монастырях и храмах во владениях Тюркского каганата [Tremblay, 2007. P. 107–108].

Основной чертой буддизма древних тюрков стало его обращение к простым людям, а также включение в пантеон Будды местных — шаманских и зороастрийских божеств, что также способствовало широкому распространению в степи этой религии. Немаловажную роль сыграло также толерантное отношение правителей древнетюркских правителей представителям различных религий, включая буддизм. В связи с этим некоторые свободные исследователи считают, что, возможно, буддизм — это более осмысленное тенгрианство. Предполагается, что даже основополагающая идея учения буддизма о реинкарнации была заимствована у тенгрианства, что научно не доказано [Никонов, 2014].

Относительно главных проводников идеи буддизма в Семиречье среди исследователей нет единого мнения. Некоторые ученые предполагают, что большую роль в этом сыграли буддисты-паломники из Северной Индии, тогда как, другие отдают предпочтение согдийским колониям, расположенным вдоль Великого Шелкового пути. Нам представляется более аргументированным мнение Т. К. Мкртычева, который считает, что эту роль выполняли буддисты из Китая, поскольку победа арабов над китайцами в Таласской битве 751 году имела фатальное значение не только для китайской политики в западном крае, но для большой буддийской общины в самом Согде [Мкртычев, 2002. С. 42].

На это указывает и визит китайского монаха Сюань-Цзана в 630 году в Западнотюркский каганат, где он был принят Тон Ябгу каганом, а также сообщение китайских письменных источников, рассказывающих о строительстве буддийского монастыря Даюнь в Суябе (Ак-Бешиме), который являлся неотъемлемой частью китайского оборонительного сооружения — гарнизона в Чуйской долине [Forte, 1994. P. 41–57].

Действительно, более близкий круг знакомства с памятниками буддийской культуры Кыргызстана уводит нас к северным регионам Китая, а именно — к буддийским скульптурам Северной Цзинь (550–577), Северной Вэй (553–557), (550–577), Северной Чжоу (557–581) и династии Тан (618–907). В скульптуре этих китайских династий кроме основных персонажей буддизма, их поз, оформления деталей характерно присутствие симметрично расположенных львов в одинаковых позах. В этой связи представляет большой интерес буддийская плита, найденная на городище Ак-Бешим в 1987 г. и переданная в музей-лабораторию Кыргызского национального университета [Табалдиев, 1988. С. 371–373]. Учитывая схожесть мотивов и техники их изготовления, можно предположить, что плита из Ак-Бешима связана с деятельностью носителей северокитайской буддийской культуры. Об этом свидетельствует буддийская стела из белого мрамора, из Китая, датированная 678 годом, которая хранится в Королевском музее Онтарио и другая плита из коллекции провинциального музея Шанси (Shanxi) с изображением Шакьямуни и сопровождающими персонажами [Haussig, 1988. P. 174; Brinker, 1998; Selections., 1989. P. 24; Vollmer et al., 1983. P. 236; Liu, 1999. P. 49].

Исходя из культовой практики на сопредельных территориях, политической и религиозной ситуации в регионе, можно предполагать следующие пути проникновения буддизма на территорию Кыргызстана. Характерно, что представители каждого религиозного направления через своих последователей, миссионерской деятельности паломников расширяли свое влияние. В сферу подобного влияния буддистов попадает Чуйская долина, где имелись десятки одиночных городов, подчиненных тюркам, и где жили торговцы из разных стран, а также местные согдийцы и осевшие тюркские племена. Для того, чтобы обеспечить свое политическое влияние в Чуйской долине танские власти Китая были очень заинтересованы в распространении здесь буддийской религии.

При распространении буддийской культуры на север и запад китайская власть старалась использовать различные средства. В этом пла-

не представляет оределенный интерес следующее известие китайского источников о том, что в 574 г., «согласно пожеланию одного из тюркских каганов, император Северного Цзин приказал буддийскому монаху перевести на язык тюрков «Нирвана сутру» и распространить ее перевод среди них, дабы способствовать обращению тюрков в буддизм» [Васильев, 1983. С. 11]. Как видно, религиозная пропаганда среди тюрков осуществлялась не только миссионерским путем, но и через переводную литературу, составленной, очевидно, на согдийском и тюркских языках, по просьбе грамотных представителей политической элиты Древнетюркского каганата.

После VII века, когда в регион пришли арабы-мусульмане, буддизм постепенно стал терять свои позиции, уступая место исламу [Бартольд, 1968. С. 60].³ Тем не менее, на территории Кыргызстана при археологических раскопках открыты буддийские храмовые постройки VIII–X вв., когда здесь основной религией населения была ислам — на городище Ак-Бешим выше Токмака, на Краснореченском городище, на городище древнего Джуля и др. [Джумагулов, 1982. С. 47]. Выявленные в Чуйской долине развалины буддийских монастырей и храмов в Краснореченской и Ак-Бешимской городищах показывают, что последователи буддизма сумели сохранить здесь свои религиозные центры, которые мирно сосуществовали с мусульманскими общинами Семиречья. Об этом красноречиво свидетельствует сообщение сочинения арабского географа X в. ал-Макдиси «Ахсан ат-такасим фи-марифат ал-акалим», где отмечается, что в Невакете преобладают неверные, а его султан мусульманин [Волин, 1960. С. 82]. В мусульманских сочинениях этой эпохи «неверными» из числа городских жителей Семиречья назывались, как правило, буддисты, а христиан и иудеев обозначали термином *зимми*.

³ По определению академика В. В. Бартольда буддизм исчез под влиянием ислама не бесследно, по-видимому, в подражание буддийской вихаре возник тип мусульманский высшей богословской школы-медресе, которая упоминается прежде всего на восточной окраине мусульманского мира и только в XI в. появляется в западном Иране и в столице халифата, Багдаде.

Со временем, когда в середине X в. в Караханидском государстве ислам становится государственной религией, правители этого каганата начали священную войну против неверных (газават) кочевых племен, проживавших на востоке Семиречья, а также уйгуров-буддистов региона Бешбалыка с центром в городе Турфан (Кочо). Некоторые подробности этой войны приводятся в сочинении «Диван лугат ат-Тюрк» Махмуда Кашгарского, согласно которому караханидские войска совершали походы до региона Минглак, а также города Катун Сыны, расположенного на границе государства Тангутов. По рассказам автора, во время походов был взят город Кочо и разрушены буддийские храмы уйгуров [Кляшторный и Султанов, 2009. С. 156–157; Dankoff, 2008. P. 27; Dust., 2006. P. 479; Мудрак, 2012. С. 7–46; Genç, 1981. S. 58–59]. Судя по всему, именно тогда пришли в упадок и центры буддийской культуры, расположенные в Чуйской и Илийской долинах Семиречья.

Рис. 1: Общий вид на городище Невакет. Красная речка, Кыргызстан. Фото археолога К. Табалдыева.

Рис. 2: Древний буддийский храм в Красной речке (Невакет). Источник фото: <https://kg.akipress.org/news:1919537?place=share-fab>

Памятники буддийской культуры Кыргызстана известны по данным раскопок развалин буддийских храмов, исследованных на средневековых городищах Ак-Бешим (Суяб) и Красная речка (Невакет) (Рис. 1–2). Результаты археологических исследований опубликованы в виде монографий и научных статей, в которых содержатся детальные характеристики результатов раскопок [Труды., 1950. С. 48–55, 131–133; Кызласов, 1959. С. 160–227; Кызласов и др., 1959. С. 514–561; Зяблин, 1961; Кожемяко, 1989. С. 17–24, 73–78; Горячева и Перегудова, 1983. С. 167–195].

В последние годы круг памятников буддийской культуры на территории Кыргызстана и на сопредельных территориях расширяется. Организуются совместные экспедиции с зарубежными специалистами и готовятся оригинальные публикации [Hayashi, 1996. С. 154–178]. Изыскания исследователей сосредоточены на изучении архитектуры и элементов буддизма, поиске направлений проникновения буддизма на территорию современного Кыргызстана, особенностях буддийских памятников этого региона, изучении вопросов идейно-художественного и стилистового порядка и т. д.

Здесь обнаружены остатки древнего города Невакет (Новый город), одного из крупных городов на Великом Шелковом Пути, который существовал в VI–XII веках. Невакет был

крупным торговым и культурным центром всего региона Семиречья. Через него проходила северная ветвь Великого Шелкового пути. Со второй половины XII века город стал приходить в упадок и к началу монгольских завоеваний практически опустел. Несмотря на то, что в отличие от Согда, позиции буддизма, как и христианства в Семиречье были сильны, но они не занимали государственного статуса ни у согдийских, ни у тюркских правителей городов [Горячева, 2017. С. 45].

Тем не менее центры буддийской культуры продолжали существовать в Семиречье и в монгольский период [Горячева, 1988. С. 48; Ведутова, 2015. С. 125–133]. В середине XIII века о трех буддийских храмах северо-восточного Семиречья сообщает Гийом де Рубрук — посол Людовика IX к монгольскому хану Мункэ. В этих храмах богослужение осуществляли уйгуры-буддисты [Путешествия., 1993. С. 111–113; Бартольд, 1968. С. 108].

Как показывают материалы археологии и сведения письменных источников, возрождение буддизма в Семиречье в предмонгольский период было связано с вторжением сюда из Монголии каракитаев, а затем найманов во главе с Кучлуком. Анализ археологических материалов позволяет говорить, что новый этап буддизма в Кыргызстане начался с приходом каракитаев в XII в. [Кольченко, 2019: 162–163].

Рис. 3-4-5. Золотая маска, сетчатый костюм и череп со следами сильно зелеными отметинами. Источник: [Biran et al., 2023. P. 24–25].

В этом отношении представляет большой интерес, вновь открытый в 2017–2018 годах в Кочкорской долине Кыргызстана подземный мавзолей-усыпальница членов семьи каракитайской знати, тела которых были обернуты медными проволоками, что является характерной особенностью киданьских захоронений Восточной Монголии. Детальный анализ всей совокупности обнаруженных предметов сопроводительного инвентаря мавзолея свидетельствует о принадлежности семейной четы к буддийской конфессии Семиречья второй половины XIII в. [Табалдиев и др., 2019. С. 48–69; Biran et al., 2023. P. 1–33] (Рис. 3–4–5).

Но наиболее сильный всплеск распространению буддизма в Семиречье относится кратковременному периоду правления здесь найманского принца Кучлука в начале XIII в., который захватил власть у каракитайского Гурхана. Автор сочинения XVI в. «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдар со ссылкой на «Тарих-и Джахангушай» Джувейни (XIII в.) описывает ожесточенную борьбу между Кучлуком и Гурханом каракитаев, в которой первый одержал победу. Кучлук захватил Кашгар и Хотан, его племена расселились по Эмилю и Каялыку. Затем он принудил жителей этих регионов отказаться от религии Мухаммеда и выбрать другую религию. «Люди, — пишет Мухаммед Хайдар, — выбрали одежду китайскую», то есть буддизм [Хайдар, 2016. С. 396]. По-видимому, к этому времени и относится строительство буддийского храма в Каялыке [Бартольд, 1968. С. 108; Мухтарова и Железняков, 2021. С. 145–160].

По сведениям автора сочинения на персидском языке, «Мунтахаб ат-таварих Муини» Муин ад-Дина Натанзи, еще в первой половине XIV в. правитель Чагатайского улуса Дженкши устраивал в орде передвижные капища, и с одобрения уйгурских писцов (бахши) повелел во всех мечетях Мавераннахре и Уйгуристана установить изображения идолов [Натанзи, 1957. С. 112]. Он также активно покровительствовал буддийским жрецам и имел сношения с китайским правительством [Бартольд, 1968. С. 77]. Из-за симпатии к идолопоклонникам, Муин ад-Дин Натанзи и другие мусульманские

авторы обвиняли Дженкши в вероотступничестве, хотя достоверно не известно был ли он правоверным мусульманином. Сообщения источников о роли уйгурских бахши в организации передвижных капищ идолов в Средней Азии и Восточном Туркестане, а также о тесных связях Дженкши с Китаем ясно показывают о намерениях этого правителя поднять статус буддизма в регионе в угоду интересам кочевой элиты восточной части Чагатайского улуса.

Подобная религиозная политика Дженкши, направленная на повышение статуса буддизма среди других религиозных конфессий Семиречья была продиктована тем, что он пришел к власти после очередного дворцового переворота в Чагатайском улусе, устроенного кочевой элитой, которая сопротивлялась против всевозрастающего влияния оседлой культуры и исламской религии. Тем не менее, с течением времени во второй половине XIV века происходит возрождение религии ислама в государстве Моголистан в состав которого входила и территория Кыргызстана, где значительная часть кочевых племен кыргызов той эпохи продолжала сохранять древние верования шаманизма, манихейства, а также буддизма [Мокеев, 2010. С. 168].

Только благодаря активной миссионерской деятельности суфийских отшельников мощного и разветвленного ордена Накшбандия была предпринята попытка покончить с остатками буддизма и шаманизма в Восточном Туркестане. Однако несмотря на усилия подвижников ислама, определенная часть кочевого населения Семиречья еще долго оставалась под влиянием буддизма и других традиционных верований древности [Нуртазина, 2000. С. 80].

В агиографическом сочинении XVI века «Зийа ал-кулуб» (Сияние сердец) Мухаммеда Аваза при описании миссионерской деятельности известного подвижника ислама Ходжи Исхака среди кыргызских племен Тянь-Шаня встречаются заслуживающие внимания подробности, например, о доисламских верованиях кыргызов. В частности, рассказывается о поклонении кыргызов перед идолом с человеческим обликом, изготовленным из

серебра и повешенного на дереве. Вокруг него были расположены другие идолы в количестве двух тысяч, вытесанные из дерева и камня [Материалы., 1973. С. 183]. Известный исследователь этнографии кыргызского народа С. М. Абрамзон рассматривал эту информацию автора «Зийа ал-кулуб» только как пережитки фетишизма и культа онгонов у кыргызов, которые для изготовления онгонов использовали серебро, камень и дерево. А серебряного идола он считал, как антропоморфной формой изображения онгона- фетиша [Абрамзон, 1971. С. 204].

Однако более внимательное исследование вышеприведенной информации «Зийа ал-кулуб» на основе анализа сведений аутентичных источников показывает, что настоящий идол с человеческим обликом, которому поклонялись кыргызы, фактически является пережитком буддизма в сочетании с некоторыми деталями древнего фетишизма.

По словам автора сочинения, название того идола, сделанного из серебра, было *طالبية جقر* «талбийа-и джакар». В свое время, извлечения из этого источника были опубликованы в первом выпуске сборника «Материалы по истории киргизов и Киргизии» (Москва, 1973 г.) под редакцией В. А. Ромодина. Автор перевода этих извлечений З. Н. Ворожейкина в примечании отмечала, что название идола «в тексте сочинения *т.л.бйа(йи) дж.к.р*; расшифровать настоящий термин пока не удалось, и его чтение может быть только предположительным» [Материалы., 1973. С. 183].

Позже известный востоковед Т. И. Султанов в своей рецензии на вышеупомянутый сборник, опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки» предложил альтернативное чтение названия серебряного идола, опираясь на текст ташкентского списка рукописи «Зийа ал кулуб», где этот термин читается как *تالبيسه حقيير* «талбиса-и хакир» [Султанов, 1976. С. 193–194]. Исходя из этого, Т. И. Султанов расшифровал его как термин в значении «презренный обман», что не соответствует к контексту вышеприведенной информации о серебряном идоле с человеческим обликом, которому поклонялись кыргызы.

Представляется, что ключ к правильному чтению этого термина можно найти в работе выдающегося французского синоведа П. Пелльо «А propos de Tokharien», где он отмечает, что у уйгуров Восточного Туркестана имеется слово в форме «čäkür» и употребляется ими в значении «шпиль буддийского надгробного памятника» [Pelliot, 1936. Р. 284]. Поскольку сочинение «Зийа ал-кулуб» было написано в уйгурской среде Восточного Туркестана, представляется вполне возможным употребление этого термина для обозначения буддийского идола с человеческим обликом, которому поклонялись отдельные группы кыргызов до принятия ими религии ислама.

Следует отметить, что вышеприведенная информация «Зийа ал-кулуб» относительно устройства капища кыргызов практически полностью совпадает с описанием буддийского идола у калмаков Джунгарии в первой четверти XVIII века в дневнике российского посла Ивана Унковского при ставке правителя Джунгарии. В этой связи И. Унковский пишет, что «7-июня 1723 г. Хунтайши (Цеван Рабдан) принял личное участие в церемонии поклонения буддийским идолам в присутствии огромного количества народа. Для отправления молитвы была подготовлена большая площадь, где на вершинах деревянных столбов были повешены изображения и скульптуры буддийских идолов. Напротив, главного идола поставили стол, а на четырех углах этого стола стояли многочисленные мелкие идолы, вытесанные из различных камней» [Посольство Унковского, 1887. С. 95–96; Buyar, 2012. S. 105–106].

Эта информация Ивана Унковского о буддийских идолах калмаков Джунгарии абсолютно созвучно с вышеприведенным сообщением автора «Зийа ал-кулуб» о капище отдельной группы кыргызов Тянь-Шаня до начала принятия ими религии ислама, и не оставляет сомнения в буддийском характере доисламских верований этих кыргызов. Поэтому мы предлагаем читать вышеприведенное название главного идола кыргызов как «талбийа-и джекур», что буквально означает «идолопоклонник». Очевидно, вышеизложенное Т. И. Султановым чтение данного текста «Зийа ал-кулуб» связано с

ошибкой, допущенной переписчиком ташкентского списка этого сочинения.

Следующий, третий этап развития буддизма в нашем регионе связан с экспансией Джунгарского ханства (1635–1757 гг.) и стремлением джунгарских феодалов завоевать земли Кыргызстана и Казахстана. Джунгары, будучи ревностными адептами ламаистского толка буддизма, стали активно строить в вновь захваченных территориях оборонительные сооружения из кирпичных и сырцовых построек, которые как правило использовались одновременно в качестве храмами и кумирнями, а также жилыми помещениями для лам-представителей буддийского духовенства [Аныракайский., 2008. С. 35].

Однако, судя по полевым материалам, собранным российским путешественником и этнографом П. С. Палласом среди калмыков Поволжья во второй половине XVIII в., и опубликованным в его книге «Собрания исторических сведений о монгольских народностях», монастыри и моленные дома калмаков, как правило, размещались в переносных юртах, изготовленных из легких конструкций (Рис. 6) [Pallas, 1776. P. 154–155]. О существовании стационарных и юрточных кумирнях в Джунгарии в рассматриваемый период показывает карта, составленная в 1716–1733 годах, где нанесено около 50 буддийских храмов и монастырей. Основа этой карты была выполнена в конце XVII — начале XVIII веках европейски-

ми иезуитами, служащими при дворе Цинского императора Канси, и затем после приобретения ее копии джунгарами во время войны с китайскими войсками была дополнена шведским офицером Ренатом, находившимся в калмакском плену [Baddeley, 1912].

По сведениям аутентичных источников, джунгарские правители не ограничивались захватом новых земель, а попутно пытались обратить в буддизм попавших в плен детей кыргызов, передавая их на попечение ламаистских монахов. Автор биографии крупного буддийского религиозного деятеля и просветителя калмаков Джунгарии Зая Пандиты Сакбон Раднабатор при описании результатов очередного похода джунгарского войска под предводительством Цецен-хана зимой 1652 года против (бурутов) кыргызов Тянь-Шаня сообщает: «...покорив бурутов прибыл Цецен-хан. В этом походе, в семнадцать лет, Галдамба поразил Янгир-хана. В честь умершей матери Цецен-хан приказал собрать 100 мальчиков, из них 50 подарил хутухте для посвящения их в банди. Других подарил Ачиту Цорджи и прочим ламам, хуvaraкам отдал в банди 100 бурутских мальчиков из 100 отоков» [Раднабатор, С. 37 Baddeley, 1912].⁴

⁴ *Хутухта* — святой, один из важнейших титулов, которые жалуются в Монголии буддийским *хубилганам* — «перерожденцам»; *Банди* — низшая монашеская степень в ламаизме, послушник; *Хуварак*-послушник буддийского монастыря, ученик ламы.

Рис. 6. Калмакский передвижной монастырь (Зарисовка из книги П. С. Палласа).

Этот интересный факт аутентичного источника о попытках обращения в буддизм пленных кыргызских детей со стороны военно-политической элиты Джунгарии находит косвенное подтверждение в материалах эпоса «Манас», где в рассказе о детстве Манаса говорится, что правитель калмаков, услышав о рождении среди кыргызов необыкновенного мальчика отправляет людей на поимки этого младенца-богатыря, вероятно, для обращения его в буддизм [Манас, 1. 1958]. В одном из вариантов эпоса «Манас», имеется также рассказ, где близкий родственник эпического героя, оставшийся среди калмаков Джунгарии, принимает религии буддизма: «Усен свое имя поменял, Назвали его Кезкаманом, Веру калмаков принял, Буркана, находящегося в углу, Стал называть своим богом». Как отсюда явствует, в эпосе термином Буркан называется изготовленный из бронзы идол, которому поклонялись некоторая часть кыргызов, принявшие веру калмаков [Манас, 2010. С. 253].

В связи с этим следует также отметить, что по сведениям аутентичных источников в результате одного из походов Галдан-Бошох-ту-хана (1678–1697) против южных казахов, кыргызов и городского населения Сайрама и Андижана, состоявшегося в 1683 году в ходе сражений в плен к нему попал и сын правителя Казахского ханства Тауке-хана, который был отправлен Галданом в Тибет к Далай-ламе с

целью обращения его в ламаизм [Материалы., 2000. С. 344; Ерофеева, 24.01.2023].

Как показывают вышеприведенные факты источников, буддийские монастыри Джунгарии и Тибета целенаправленно принимали в качестве послушников детей из числа попавших в плен мусульманского населения Семиречья с целью распространения ламаистского толка буддизма в Средней Азии [Мокеев, 2003. С. 172–173]. Попытки распространения буддизма в Кыргызстане со стороны джунгарской военно-политической элиты и высшего духовенства не ограничивалось воспитанием попавших в плен детей кыргызов в ламаистских монастырях в духе буддийской религии. В захваченных во время военных действий районах Кыргызстана ламаистская духовенство развернуло активную деятельность по увековечиванию основных положений буддийского учения и образы Будды путем изображения их на каменных валунах и скалах.

В северных районах Кыргызстана, которые в свое время оказались долгое время под оккупацией джунгаров, исследователи обнаружили многочисленные надписи священные для буддистов формулой на каменных валунах и на скалах тесных ущелий, расположенных вдоль рек и небольших речек. Эти надписи, высеченные на камнях, содержат слова «Ом мани падме хум» (Нет благодати выше лотоса, что буквально означает — О! Жемчужина в цветке лотоса!)» (Рис. 7–8).

Рис. 7. Общий вид памятника с буддийской надписью. Фото из книги [Табалдиев и Белек, 2008. С. 124].

Рис. 8. Надпись на камне с буддийской формулой «Ом мани падме хум». Зарисовка из книги [Табалдиев и Белек, 2008. С. 122].

На некоторых валунах и скалах, кроме надписи имеются также изображения Будды. Подобные надписи и изображения обнаружены практически повсеместно в Иссык-Кульской и Чуйской долинах Кыргызстана [Джумагулов, 1982; Табалдиев и Белек, 2008]. По определению знатока древностей Кыргызстана О.Пояркова, некоторые богатые тибетские буддисты содержали профессиональные артели лам-скульпторов, обязанность которых состояло в том, чтобы, странствуя с резцом по горам, долинам и пустыням, всюду вырезать священное изречение «Om mani padme hum» на камнях и скалах [Поярков, 1898. С. 61].

По словам О. Пояркова, все увиденные им буддийские надписи и изображения богов на Иссык-Куле, в ущельях Александровского хребта и в Чуйской долине, сделаны весьма тщательно и аккуратно, очевидно, что судя по тонкой и отчетливой работе вышеупомянутых надписей, мастера, их воспроизводившие, обладали по своему времени совершенными инструментами [Поярков, 1898. С. 61].

Насколько позволяют судить дошедшие до наших дней надписи на лопатке и нижней челюсти барана формулы «Om mani padme hum!» (Рис. 9), ламаистские монахи попытались распространить эту молитву среди широкой массы кыргызов Тянь-Шаня путем нанесения ее на компактных предметах быта кыргызов, которые можно было носить за пазухой постоянно [Джумагулов, 1982. С. 56. 201–202].

Длительное политическое господство джунгаров в северных районах Кыргызстана

и усилия тибетских лам по распространению ламаистского толка буддизма среди кыргызов не прошли бесследно. Небольшая группа кыргызов из числа кыргызских племен мундуз, баарын, сарыбагыш, сарт, найман, саяк и др. в свое время принявшие религию буддизма, и по религиозным мотивам присоединившиеся к джунгарам, до сих пор проживают в аймаке Тарбагатай Синьцзян-Уйгурской автономной области КНР [Асанканов, 2010. С. 21].

Однако старания правителей Джунгарского ханства и настоятелей ламаистских монастырей по распространению религии буддизма среди всего мусульманского населения Кыргызстана, очевидно, не принесли им ощутимых результатов. Как показывает религиозная ситуация в Средней Азии в XVII–XIX веках, кыргызы Тянь-Шаня стали ревностными последователями ханафитского мазхаба суннитского толка исламской религии, что нашло отражение и в эпосе «Манас», где главный герой объявляет священную войну «газават» против калмаков Джунгарии, которые исповедовали ламаистский толк буддизма.

На наличие религиозных мотивов в эпических сказаниях кыргызов впервые обратил внимание академик В. В. Радлов. В этой связи он пишет, что несмотря на свои скудные познания в догматах ислама, они относятся к инаковерующим с большим фанатизмом, чем казаки (казахи), и в их сказаниях повествуется о войнах за веру. Такой религиозный фанатизм кыргызов В. В. Радлов объясняет тем, что они живут в тесном соседстве с неверными китай-

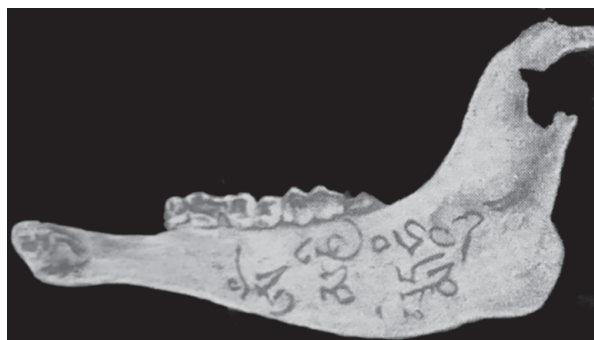
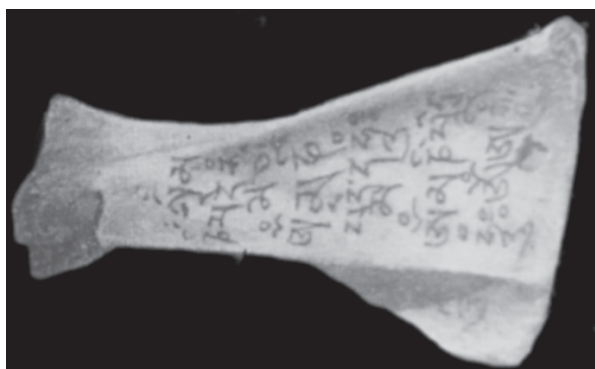

Рис. 9. Надпись на правой лопатке, а также на нижней челюсти барана с буддийской формулой: «Om mani padme hum!» [Джумагулов, 1982. Илл., XXXI].

цами и калмаками, которые исповедуют буддизм [Радлов, 1989. С. 349–352].

Тем не менее в результате распространения буддизма в ранние этапы истории Кыргызстана и соседних регионов Центральной Азии, а также в период позднего средневековья вплоть до середины XVIII в., когда здесь шла активная пропаганда буддизма среди северо-кыргызских племен Тянь-Шаня, некоторые термины буддийского учения и отдельные понятия социально-экономического и культурного характера нашли отражение в кыргызском языке и литературе [Горячева, 2017]. Например, в кыргызской пословице «турмушун эшек араба, туулдун калдың балаага» (жизнь тяжелая штука, с рождения начинаются мучения) нашло отражение буддийское философское учение «рождение грех».

В народной памяти сохранились изречения средневекового мудреца и степного философа Асан Кайгы (Асан Горемычный, который предположительно жил во второй половине XIV в.), которые созвучны буддийскому состраданию к живым существам [Кебекова, 2009. С. 496]. По легенде, однажды, когда случился в степи великий джунт-весенний заморозок, сопровождаемый обильными снегопадами, Асан Кайгы в своих философских стихах сокрушается о незащищенных животных, которые могут погибнуть от сильного мороза и отсутствия крова: «Куйругу жок, жалы жок, Кулан байкуш кантти экен. Боорунда буту жок, Жылан байкуш кантти экен» [Тоголок Молдо, 1970. С. 124–126.] (*Без пышного хвоста и гривы, Каково же положение бедолаги онагры. Без ноги на животе, Каково же положение бедолаги змеи*).

В научной литературе предполагается, что имя главного героя выдающегося кыргызского эпоса Манас образовано от санскритского слова *मनस्* — разум, дух, сила. В действительности, этимология имени Манас невозможно объяснить через ресурсы тюркских языков. Однако до сих пор остается неизвестным, каким образом и когда это санскритское слово вошло в кыргызский язык в качестве имени главного героя популярного героического эпоса кыргызского народа. Если имя Манас имеет какое-то отношение к учению буддийской религии, то

оно, скорее всего, было заимствовано нашими отдаленными предками на ранних этапах распространения этой религии в Центральной Азии, что показывают некоторые древние географические названия в Синьцзяне (город Манас и река Манас), высокогорная вершина Манаслу в Непале, а также многочисленные священные места в Казахстане и Кыргызстане, названия которых связываются с местом погребения или предметами и атрибутами эпического героя Манаса [Мокеев, 2010. С. 104].

В кыргызском языке имеется также целый ряд слов, заимствованные из санскрита или из терминологии буддийского учения: *аруу* (чистый), *буркан* (идол), *бут* (будда, идол), *бутпарас* (идолопоклонник), *бакишы* (санскр. бхикшу: 1. жрец, 2. наставник), *арашан* (теплый источник), *кечил* (калмыцкий монах), *кут* (1. фигурка человека из свинца или олова-оберег. 2. маленький идол у калмыков) [Потапов, 1973. С. 265–286]⁵, *сарт* (торговец), *төрө* (закон, обычай), *түмөн* (десять тысяч), *манас* (человеческий разум), *манжа* (пятерна, палец), *мечин* (1. обезьяна, 2. год обезьяны), *миск* (мускус), *чатыр* (санскр. чатра: 1. палатка, зонтик, 2. крыша), *черик* (войско), *эштек* (кшатрий-всадник), *лаанат* (буддийское божество), *лайлама* (1. далай лама, 2. божество у калмаков), *ылама* (1. лама — служитель культа у буддистов ламаистов, 2. название местности в Джумгалском районе Кыргызстана) и т. д. [Юдахин, 1965].

Большинство этих слов, такие как *аруу*, *бакишы*, *бут*, *манас*, *манжа*, *мечин*, *миск*, *сарт*, *төрө*, *түмөн*, *черик*, *эштек*, очевидно, было заимствовано еще в древнетюркский период через тохарский и сако-хотанские языки региона Восточного Туркестана, который в VIII–X вв. превратился в оплот буддизма в Центральной Азии. Именно через эти языки переводились первые буддийские канонические тексты на согдийский и тюркские языки той эпохи [Вос-

⁵ По материалам этнографии «кут» сохранился и у кыргызов в значении зародыша детей и скота, как и у алтайцев. Кут, по народным представлениям, падал сверху через дымовое отверстие. Этим термином кыргызы называли и идолов из свинца или олова, хранившихся в семье старшей женщины.

точный., 1992. С. 6–31, 157–193]. В то же время отдельные слова (*буркан, бут, кут, кечил, лаанат, ылама, лайлама*), связанные с калмаками Джунгарии и ламаизмом, свидетельствует о пережитках последнего этапа распространения ламаистского толка религии буддизма в Кыргызстане в XVII — первой половине XVIII вв.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что распространение буддизма среди кыргызов и в Кыргызстане началось в эпоху древнетюркских государств, и если в начальный период ее пропаганда шла из Индии через Восточный Туркестан, то уже в древнетюркский период усиливается влияние китайского варианта буддизма. Причем наряду с деятельностью миссионеров, начинается распространение через письменные переводы канонических буддийских сутр на тюркские языки.

Несмотря на постепенное ослабление влияния буддизма после активного распространения религии ислама в Средней Азии в VIII–XI вв., в определенной степени, получило дальнейшее развитие распространения буддийского учения в Семиречье в период монгольского владычества. Хотя во время краткосрочного господства здесь найманского правителя Кучлука наблюдались

попытки силой заставить мусульманского населения перейти к буддизму, в целом, в эпоху раннего средневековья не отмечались факты насильственного насаждения буддизма в Кыргызстане.

Последний третий этап активного распространения ламаистского толка буддизма относится к периоду экспансии Джунгарского ханства в Среднюю Азию в XVII — первой половине XVIII вв., когда стратегия обращения в ислам мусульманского населения региона силой оружия и активной пропаганды среди мирного населения встречала упорное сопротивление со стороны кыргызов против калмаков Джунгарии под лозунгами ислама в форме священной войны — казат (газават), что в немалой степени способствовало сохранению исламской самоидентификации народа.

В целом можно отметить, что буддизм, имевший почти тысячелетнюю историю своего существования на территории Центральной Азии, оставил определенный след в материальной и духовной культуре кыргызского народа. Дальнейшие исследования языковых и археологических артефактов позволят глубже понять проблемы идентичности культуры и менталитета кыргызов в контексте мировой истории.

Источники и материалы

Раднабатор: *Раднабатор С.* «Лунный свет — история Раб-Джам Зая Пандиты». Пер. с ойратского Г. Н. Румянцев. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Раз. 1. Оп. 3. Ед. хр. 44. С. 37.

Radnabator S. «Lunnyj svet — istoriya Rab-Dzham Zaya Pandity». Perevod s ojratskogo G. N. Rumyantseva [“Moonlight — the story of Rab-Jam Zaya Pandita”. Translation from Oirat by G. N. Rumyantsev]. Arhiv vostokovedov Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj Akademii Nauk. Raz. 1. Op. 3. Ed. hr. 44. S. 37.

Использованная литература

Абрамзон, 1971: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград, 1971.

Abramzon S. M. Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kirghiz and their ethnogenetic and historical-cultural relations]. Leningrad, 1971.

Аныракайский, 2008: Аныракайский треугольник: Историко-географический ареал и хроника Великого сражения. Авторы: И. В. Ерофеева, Б. Ж. Аубекеров, А. Е. Рогожинский. Алматы, 2008.

Anyrakayskii treugol'nik: Istoriko-geograficheskii areal i hronika Velikogo srajenia. [The Anyrakay Triangle: The Chronicle of the Great Battle and Its

Historical and Geographical Area]. Avtory: I. V. Erofeeva, B. J. Aubekеров, A. E. Rogojinskii. Almaty, 2008.

Арсланова и Кляшторный, 1973: *Арсланова Ф. Х. Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.

Arslanova F. Kh., Klyashpornyj S. G. Runicheskaya nadpis' na zerkale iz verhnego Priirtyshya [Runic inscription on the mirror from the Upper Priirtysh] // Tyurkologicheskij sbornik 1971. Moscow, 1973.

Асанканов, 2010: *Асанканов А.* Кыргызы Синь-цзяня (КНР). Бишкек, 2010.

Asankanov A. Kyrgyzy Sin'tziana (KNR) [Kyrgyz of Xinjiang (PRC)]. Bishkek, 2010.

Бартольд, 1963: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Bartold V. V. Ocherk istorii Semirechye [A short History of the Semirechye] // Soch. T. II. Ch. 1. Moscow, 1963.

Бартольд, 1968: Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. М., 1968.

Bartold V. V. Dvenatsat' Iektzii po Istorii Turetskikh Narodov [Twelve Lectures on the History of the Turks of Central Asia] // Sochineniya. T. V. Moscow, 1968.

Бартольд, 1973: Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Собр. соч. Т. VIII. М., 1973.

Bartold V. V. Izvlechenie iz Sochineniya Gardizi "Zain al-ahbar" [Extract from the work of Gardizi's *Zayn al-akhbar*] // Sochineniya. Vol. VIII. Moscow, 1973.

Бернштам, 1956: Бернштам А. Н. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX–X вв. // Советское востоковедение. 1956. № 4.

Bernshtam A. N. O poavlenii kirgizov na Tyan-Shane v IX–X vv. [On the Origin of the Kirgiz People in the Tien Shan in the IX–X centuries] // Sovetskoe vostokovedenie. 1956. № 4.

Бируни, 1995: Абу Рейхан Бируни. Индия / Издание подготовили Халидов А. Б. Завадовский Ю. Н. Эрман Г. В. М., 1995.

Abu Reyhan Biruni. India [India] / Izdanie podgotovili Halidov A. B. Zavadovskiy Yu. N. Erman G. V. Moscow, 1995.

Васильев, 1983: Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М., 1983.

Vasilyev D. D. Graficheskiy fond pamyatnikov tyurkskoi runicheskoi pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistemizatsii) [Graphic fund of monuments of the Turkic runic script of the Asian area (experience of systematization)]. Moscow, 1983.

Ведутова, 2015: Ведутова Л. М. Третий буддийский храм на городище Ак-Бешим // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. 2015. № 4. С. 125–133.

Vedutova L. M. Tretiy buddiyskiy hram na gorodishe Ak-Beshim [The Third Buddhist Temple on the Site of Ak-Beshim] // Izvestiya Natsional'noy Akademii Nauk Kyrgyzskoy Respubliki. 2015. No. 4. S. 125–133.

Волин, 1960: Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных

районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1960, № 8.

Volin S. Svedenia arabских istochnikov IX–XVI vv. o doline reki Talas i smezhnyh raionah [Information of Arabic sources of the IX–XVI centuries about the Talas River valley and adjacent areas] // Trudy Instituta istorii, arheologii etnografii AN Kazahskoi SSR. 1960, No 8.

Восточный, 1992: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.

Vostochny Turkestan v drevnosti i rannem srednekovye [Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages]. Moscow, 1992.

Горячева, 1988: Горячева В. Д. Город Золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе, «Илим», 1988.

Goryacheva V. D. Gorod Zolotogo verbyluda (Krasnorechenskoe gorodishe) [The City of the Golden Camel (Krasnorechenskoye settlement)]. Frunze: Ilim, 1988.

Горячева, 2017: Горячева В. Д. Следы ведизма, индуизма и буддизма в культуре кыргызов и Кыргызстане // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. Вып. 26. Самарканд, 2017.

Goryacheva V. D. Sledy vedizma, induizma i buddizma v kulture kyrgyzov i Kyrgyzstane [Traces of Vedism, Hinduism and Buddhism in the culture of the Kyrgyz and Kyrgyzstan] // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta centralnoaziatskikh issledovaniy. Vyp. 26. Samarkand, 2017.

Горячева и Перегудова 1983: Горячева В. Д. Перегудова С. Я. Буддийские памятники Киргизии // Памятники культуры (ПК). Вып. 7. Фрунзе, 1983.

Goryacheva V. D., Peregudova S. Ya. Buddiyskie pamyatniki Kirgizii [Buddhist monuments of Kyrgyzstan] // Pamyatniki kultury (PK). Vyp. 7. Frunze, 1983. S. 167–195.

Дашковский, 2009: Дашковский П. К. Служители культов у тюрков Центральной Азии в эпоху Средневековья // Известия Алтайского государственного университета, 4–1(64), 2009.

Dashkovskij P. K. Sluzhiteli kultov u tyurok Centralnoj Azii v epohu Srednekovya [Cult servants among the Turks of Central Asia in the Middle Ages] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 4–1(64), 2009.

Джумагулов, 1982: Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе: Илим, 1982.

Dzhumagulov Ch. Epigrafika Kirgizii [Epigraphy of Kyrgyzstan]. Vyp. 2. Frunze: Ilim, 1982.

Ерофеева, 2023: *Ерофеева И. В.* Абулхаир и Абылай — вечные жертвы политической конъюнктуры. Часть 2. <https://365info.kz/2015/07/abulhair-abyлай-vechnye-zhertvy-politicheskoy-konyunktury> (дата обращения: 24.01.2023).

Erofeeva I. V. Abulhair i Abylay — vechnye zhertvy politicheskoy konyunktury xAbulkhair and Abylai — eternal victims of political conjuncture. Chast 2. <https://365info.kz/2015/07/abulhair-abyлай-vechnye-zhertvy-politicheskoy-konyunktury> (data obraszhenia: 24.01.2023).

Зяблин, 1961: *Зяблин Л. П.* Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

Zyablin L. P. Vtoroj buddijskij hram Ak-Beshimskogo gorodisha [Second Buddhist temple of Ak-Beshim settlement]. Frunze, 1961.

Кебекова, 2009: *Кебекова Б. К.* Кыргыз эл ырчыларынын тарыхынын очерктери. Т. 1. Бишкек, 2009.

Kebekova B. K. Kyrgyz el ырчыларынын taryhynyn ocherkteri [Essays on the history of Kyrgyz folklore]. Vol. 1. Bishkek, 2009.

Кляшторный и Лившиц, 1971: *Кляшторный С. Г. Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. 10. М., 1971.

Klyashtorny S. G., Livshic V. A. Sogdijskaya nadpis iz Buguta [Sogdian inscription from Bugut] // Strany i narody Vostoka. Vol. 10. Moscow, 1971.

Кляшторный, 1973: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.

Klyashtorny S. G. Drevnetyurkskaya pismennost i kultura narodov Centralnoj Azii [The ancient Turkic writing and culture of the peoples of Central Asia] // Tyurkologicheskij sbornik 1972. Moscow, 1973.

Кляшторный и Савинов, 2009: *Кляшторный С. Г. Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009

Klyashtorny S. G. Sultanov T. I. Gosudarstva i narody evraziyskih stepey: ot drevnosti k novomu vremeni [States and peoples of the Eurasian steppe: from antiquity to modern age]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009.

Кожемяко, 1989: *Кожемяко П. Н.* Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1961; 1962–1963 гг. // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Kozhemyako P. N. Otchet o raskopochnyh rabotah na Krasnorechenskom gorodishe v 1961; 1962–1963 gg. [Report on excavation work at Krasnorechenskoye

settlement in 1961; 1962–1963] // Krasnaya Rechka i Burana. Frunze, 1989.

Кольченко, 2019: *Кольченко В. А.* Буддизм и «индийские» религии Кыргызстана // Религии Центральной Азии. Т. III: Буддизм. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 57–163.

Kolchenko V. A. Buddizm i «indijskie» religii Kyrgyzstana [The Buddhism and “Indian” Religions of Kyrgyzstan] // Religii Centralnoj Azii. T. III: Buddizm. Samarkand: MICAИ, 2019. S. 57–163.

Кубарев, 1984: *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Kubarev V. D. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya [Ancient Turkic sculptures of Altai]. Novosibirsk, 1984.

Кызласов, 1959: *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ, Т. 2. М., 1959. С. 160–227.

Kyzlasov L. R. Arheologicheskie issledovaniya na gorodishe Ak-Beshim v 1953–1954 gg. [Archaeological research on the site of Ak-Beshim in 1953–1954] // TKAEE. Vol. 2. Moscow, 1959. S. 160–227.

Кызласов и др., 1959: *Кызласов Л. Р. Смирнова О. И. Щербак А. М.* Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Кыргызская ССР) в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ, Т. 2. М., 1959.

Kyzlasov L. R. Smirnova O. I., Sherbak A. M. Monety iz raskopok gorodisha Ak-Beshim (Kyrgyzskaya SSR) v 1953–1954 gg. [Coins from the excavations of the Ak-Beshim settlement (Kyrgyz SSR) in 1953–1954] // TKAEE. Vol. 2. Moscow, 1959.

Манас, 1958: *Манас. Биринчи бөлүк, 1 китеп.* Фрунзе, 1958.

Manas. Birinchi boluk, 1 kitep [Vol. 1. Part 1]. Frunze, 1958.

Манас, 2010: *Манас: С. Каралаевдин варианты б-ча / Түз.: А. Жайнакова, А. Акматалиев.* Бишкек: «Турар», 2010. С. 253.

Manas: S. Karalaevdin varianty b-cha [Version by S. Karalaev] / Tuz.: A. Zhaynakova, A. Akmataliev. Bishkek: Turar, 2010. S. 253.

Материалы, 1973: *Материалы по истории киргизов и Киргизии.* Вып. 1. М., 1973.

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii. [Materials on the History of the Kirghiz and Kirghizia] Vyp. 1. Moscow, 1973.

Материалы, 2000: *Материалы по истории русско-монгольских отношений.* Т. 4. М., 2000.

Materialy po istorii russko-mongolskih otnosheniy. [Materials on the History of Russian-Mongolian Relations]. Vol. 4. Moscow, 2000.

Мкртычев, 2002: *Мкртычев Т. К.* Буддийское искусство Средней Азии в I–X вв. М., 2002.

Mkrtychev T. K. Buddhiyskoe iskusstvo Sredney Azii v I–X vv. [Buddhist art of Central Asia in the 1th–10th centuries]. Moscow, 2002.

Мокеев, 2003: *Мокеев А.* Факты обращения в буддизм кыргызов Тянь-Шаня в XVII–XVIII вв. (по материалам биографии Зая Пандиты и эпоса «Манас») // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003.

Mokeyev A. Fakty obrasheniya v buddizm kyrgyzov Tyan-Shanya v XVII–XVIII vv. (po materialam biografii Zaya Pandity i eposa «Manas») [The facts of conversion to Buddhism of the Kyrgyzs of Tien-Shan in the XVII–XVIII centuries (on the materials of the biography of Zai Pandita and the epos “Manas”)] // Buddizm i hristianstvo v kulturnom nasledii Centralnoj Azii. Bishkek, 2003.

Мокеев, 2010: *Мокеев А.* Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010.

Mokeyev A. Kyrgyzy na Altae i na Tyan-Shane [The Kyrgyz in the Altai and Tien-Shan]. Bishkek, 2010.

Мокеев и Жапаров 2022: *Мокеев А. М., Жапаров А. З.* Эволюция похоронных обрядов кыргызского народа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 148–156.

Mokeyev A. M., Zhaparov A. Z. Evolyutsiya pohoronnyh obryadov kyrgyzskogo naroda [Evolution of funeral rites of the Kyrgyz people] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2022. № 75. S. 148–156.

Мудрак, 2012: *Мудрак О. А.* Поэзия у Махмуда Кашгарского как свидетельство тюрко-монгольских языковых контактов // Вопросы Тюркологии. М., 2012. № 2. С. 7–46.

Mudrak O. A. Poeziya u Mahmuda Kashkarskogo kak svidetel'stvo tyurko-mongol'skih jazykovyh kontaktov [Poetry of Mahmud of Kashgar as evidence of Turkic-Mongolian language contacts] // Voprosy Tyrkologii. Moscow, 2012. No. 2. S. 7–46.

Мухтарова и Железняков, 2021: *Мухтарова Г. Р. Железняков Б. А.* Буддизм Илийской долины XII — начала XIII в. О находках предметов буддийского культа на городище Талгар И. И. Копыловым // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 145–160.

Mukhtarova G. R. Zheleznyakov B. A. Buddhizm Iliyskoy Doliny XII — nachala XIII v. O nahodkah predmetov buddhiyskogo kul'ta na gorodishe Talgar I. I. Kopylovym [Buddhism of the Ili Valley of the XII — beginning of the XIII century. On the Finds of Buddhist Cult Items at the Talgar Site by I. I. Kopylov] // Narody i Religii Evrazii. 2021. Vol. 26. No. 3. S. 145–160.

Натанзи, 1957: *Муин ад-Дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Муини. Издание Ж. Обэна. Тегеран, 1957.

Muin ad-Din Natanzi Muntahab at-tavarih-i Muini [Muntahab at-tawarikh-i Muini] / Izdanie Zh. Obena. Tegeran, 1957.

Никонов, 2014: *Никонов А.* Тенгрианство. У истоков духовности человечества. Алматы, 2014.

Nikonov A. Tengrianstvo. U istokov duhovnosti che-lovechestva [At the Origins of Humanity's Spirituality]. Almaty, 2014.

Нуртазина, 2000: *Нуртазина Н. Д.* Ислам в истории средневекового Казахстана. Алматы, 2000.

Nurtazina N. D. Islam v istorii srednevekovogo Kazakhstan [Islam in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty, 2000.

Потапов, 1973: *Потапов Л. П.* Умай — Божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. М., 1973.

Potapov L. P. Umaj — Bozhestvo drevnih tyurkov v svete etnograficheskikh dannyh [Umai — The Deity of the ancient Turks in the light of ethnographic data] // Tyurkologicheskiy sbornik, 1972. Moscow, 1973.

Поярков, 1898: *Поярков О.* Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам Иссык-Куля // Памятная книжка Семиреченского областного Статистического комитета на 1898 г. Верный, 1898.

Poyarkov O. Iz arheologicheskikh ekskursij po Pishpekskomu uezdu i po beregam Issyk-Kulya [From archaeological excursions in Pishpeksky uyezd and along the shores of Issyk-Kul] // Pamyatnaya knizhka Semirechenskogo oblastnogo Statisticheskogo komiteta na 1898 g. Vernyj, 1898.

Посольство Унковского, 1887: Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану Капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / Документы, изданные с предисловием и примечаниями д. чл. Н. Ив. Веселовского. СПб., 1887.

Posol'stvo k Zyungarskonu Hun-Taizhi Tsevan Rabtanu Kapitana ot artillerii Ivana Unkovskogo i putevoy zhurnal iego za 1722–1724 gody [The Embassy to Zyungar Hong-Taizhi Tsevan Rabtan of Captain of Artillery Ivan Unkovsky and his travel journal for the years 1722–1724] / Dokumenty, izdannye s predislovиеm i primechaniami d.chl. N. Iv. Veselovskogo. St. Petersburg, 1887.

Путешествия, 1993: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы 1993.

Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Giloma de Rubruka [Travels to the East by Plano Carpini and Guillaume de Rubruk]. Almaty, 1993.

Радлов, 1989: Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 349–352.

Radlov V. V. Iz Sibiri [From Siberia]. Moscow, 1989. S. 349–352.

Султанов, 1976: Султанов Т. И. Материалы по истории киргизов и Киргизии // Народы Азии и Африки. 1976. № 4. С. 193–194.

Sultanov T. I. Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Review to Materials on the History of the Kirghiz and Kirghizia] // *Narody Azii i Afriki*. 1976. No. 4. S. 193–194.

Табалдиев и др, 2019: Табалдиев К., Акматов К., Ашык А., Белек К. Результаты археологических раскопок на мавзолее Көк-Таш в полевом сезоне 2017–2018 гг. в Кыргызстане // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2019. № 4(21). С. 48–69.

Tabaldiev K., Akmatov K., Ashyk A., Belek K. Rezul'taty arheologicheskikh raskopok na mavzolee Kyok-Tash v polevom sezone 2017–2018 gg. v Kyrgyzstane [Results of the Archaeological Excavations at the Kyok-Tash Mausoleum in the 2017–2018 Field Season in Kyrgyzstan] // *Narody i religii Evrazii*, Barnaul, 2019. No. 4(21). S. 48–69.

Табалдиев и Белек, 2008: Табалдиев К., Кайрат Белек. Памятники письменности на камне Кыргызстана. Бишкек, 2008.

Tabaldiev K., Kajrat Belek. Pamyatniki pismennosti na kamne Kyrgyzstana [Monuments of writing on the stone of Kyrgyzstan]. Bishkek, 2008.

Табалдиев, 1988: Табалдиев К. Ш. О новой находке буддийской скульптуры в районе городища Ак-Бешим // Материалы IX межреспубликанской научной конференции молодых ученых. Фрунзе, 1988. С. 371–373.

Tabaldiev K. Sh. O novoi nahodke buddijskoi skulptury v rayone gorodischa Ak-Beshim [On a new discovery of Buddhist sculpture in the area of Ak-Beshim settlement] // *Materialy IX mezhrespublikanskoi nauchnoi konferentsii molodyh uchenyh*. Frunze, 1988. S. 371–373.

Тоголок Молдо, 1970: Тоголок Молдо. Чыгармалар жыйнагы. Т. 1. Фрунзе, 1970. С. 124–126.

Togolok Moldo. Chygarmalar zhyjnagy [A collection of works]. Vol. 1. Frunze, 1970. S. 124–126.

Труды, 1950: Труды семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». Сост. под рук. А. Н. Бернштама // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), № 14. Москва, Ленинград, 1950.

Trudy semirechenskoj arheologicheskoy ekspedicii «Chujskaya dolina». Sost.pod ruk. A. N. Bernshtama [Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition “Chui Valley”. Comp.under the direction of A.N. Bernshtam] // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (MIA)*. No. 14. Moscow; Leningrad, 1950.

Хайдар, 2016: Мирза Мухаммед Хайдар. История Рашиди / Введение, пер. с персидского А. Урунбаева, Р. Джалиловой, Л. Епифановой. Отв. ред. В. Рахманов. Ташкент: Sharq, 2016.

Mirza Muhammed Hajdar. Istoriya Rashidi. Vvedenie, perevod s persidskogo A. Urumbaeva, R. Dzhaliilovoj, L. Epifanovoj. Otв. red. V. Rahmanov [Rashidi's story. Introduction, translated from Persian by A. Urumbaev, R. Jalilova, L. Epifanova. Ed. by V. Rakhmanov]. Tashkent: Sharq, 2016.

Юдахин, 1965: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Yudahin K. K. Kirgizsko-russkij slovar [Kyrgyz-Russian Dictionary]. Moscow, 1965.

Baddeley, 1912: *Baddeley J. Russia, Mongolia, China*. Vol. I. P. CLXVIII. London, 1912.

Biran et al., 2023: *Biran M., Shenkar M., Tabaldiev K., Akmatov K., Kolchenko V. The Kök-Tash underground mausoleum in north-eastern Kyrgyzstan: the first-ever identified Qara Khitai elite tomb?* // *JRAS. Series 3* (2023). P. 1–33.

Buyar, 2012: *Buyar C. Cungan Hanlığının Sosyal ve Kültürel Tarihi. Doktora Tezi*. Bişkek, 2012.

Buyar C. Social and Cultural History of Cungan Khanate. Unpublished Doctoral Thesis. Bishkek, 2012.

Genç, 1981: *Genç R. Karahanlı Devlet Teşkilâtı (XI. Yüzyıl) (Türk Hâkimiyet Anlayışı ve Karahanlılar)*. Kültür Bakanlığı Yayınları; 373. Araştırma ve inceleme eserleri serisi; 9. İstanbul, 1981.

Dankoff, 2008: *Dankoff R. From Mahmud Kaşgari to Evliya Çelebi: studies in middle Turkic and Ottoman literatures*. Istanbul: Isis Press, 2008. P. 27.

Dust., 2006: *Dust in the Wind: Retracing Dharma Master Xuanzang's Western Pilgrimage*, *Rhythms Monthly*. 2006.

Forte, 1994: *Forte A. An Ancient Chinese Monastery excavated in Kirgiziya* // *Central Asiatic Journal*. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 41–57.

Haussig, 1988: *Haussig W. Arhaologie und Kunst des Seidenstrase*. Berlin, 1988.

Helmud, 1998: *Helmud B. Transfiguring Divinities Buddhist Sculpture in China* // *CHINA: 5000 years*. 1998.

Khazanov, 1994: *Khazanov A. M. The Spread of World Religions in Medieval Nomadic Societies of the Eurasian Steppes // Nomadic Diplomacy, Destruction and Religion from the Pacific to the Adriatic. Papers prepared for the Central and Inner Asian Seminar University of Toronto, 1992–93 Ed. by Michael Gervers and Wayne Schlepp. Toronto, 1994.*

Liu, 1999: *Liu Sh. Copper Buddhist Statues of the Sui and Tang Period Keeped in the Institute of Archaeology of Hebei Provins // Wen Wu Chun Qiu, 1999.*

Liu, 2011: *Liu X. Silk Road Legacy: The Spread of Buddhism and Islam // Journal of World History. Vol. 22. No. 1 (March 2011). P. 55–81.*

Pallas, 1776: *Pallas P. S. Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, I–II, St. Petersburg, 1776.*

Pelliot, 1936: *Pelliot P. A propos du “tokharien”// Toung Pao. Second Series. Vol. 32, Livr. 4. 1936.*

Porció, 2015: *Porció T. Turkic peoples of Central Asia and Buddhism // Mongolica Pragensia 15. Linguistics, Ethnolinguistics, Religion and Culture. Vol. 8, No. 2 (2015). Selections., 1989: Selections of Shanxi Cultural Relics. Preface Jia Liye. 1989.*

Thomas, 1927: *Thomas F. W. Tibetan Documents concerning Chines Turkestan. T. II: The Sa-cu Region // Journal of the Royal Asiatic Society. October 1927.*

Toshio, 1996: *Toshio H. Buddhist Temple Sites on North of the Tien Shan Mountain // Далверзинтепа шахристони (Dalverzintepa) (1989–1993). Хамза номидаги санатшуносли институти, Сока университет-ти, 1996.*

Tremblay, 2007: *Tremblay Xavier (Köln) The Spread of Buddhism in Serindia: Buddhism among Iranians, Tocharians and Turks before the 13th Century // The Spread of Buddhism. Handbook of Oriental Studies. Section Eight, Central Asia. Edited by Denis Sinor, Nicola Di Cosmo. Leiden–Boston, 2007. Vol. 16. P. 75–129.*

Vollmer et al., 1983: *Vollmer J. E., Keall E. J., Nagal-Berthrong E. Silk Roads, China Ships: An Exhibition of East-West Trade. 1983.*

TO THE QUESTION OF THE SPREAD OF BUDDHISM IN KYRGYZSTAN IN THE MIDDLE AGES

Anvarbek M. MOKEEV

Kyrgyz-Turkish Manas University

Kayrat BELEK

Kyrgyz-Turkish Manas University

Nursultan ABDIMITALIP UULU

Kyrgyz-Turkish Manas University, Osh State University

Based on the comparative study of written sources with the data of archaeology, epigraphy, ethnography, Kyrgyz language materials, and folklore, The article considers the main stages of the spread of Buddhism in Kyrgyzstan in the Middle Ages. A special attention is paid to pre-Islamic beliefs of the Kyrgyz, among which the remnants of Buddhism have a certain place. The main forms of dissemination of Buddhism in Kyrgyzstan are analyzed, where along with missionary activity, violent methods were manifested, especially during the short reign of the Naiman prince Kuchluk, as well as during the Jungar Khanate period. For the first time, attention is paid to the reflection of certain provisions of Buddhist and some terms from Sanskrit in the Kyrgyz language and as well as in the folklore of the Kyrgyz people.

Key words: Kyrgyzstan, Buddhism, Manas, lama, Lamaism, qut, Buddhist monk, religion.

About the authors:

Anvarbek MOKEEV, Dr. Sci. (History), Professor Department of History, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan) (anvar.mokeev@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0002-0381-6975.

Kayrat BELEK, Ph.D. (Philosophy), Assistant Professor Department of History, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan) (kairat.belek@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0003-0495-9182.

Nursultan ABDIMITALIP UULU, Doctoral student, Kyrgyz-Turkish Manas University; Teacher, Higher School of International Educational Programs (HSIEP), Osh State University (Osh, Kyrgyzstan) (nabdimitalipuulu@oshu.kg). ORCID: 0000-0002-5651-5236.